

ПОСЛЕДНИЙ ГУДОК

К 30-летию Победы затеяли мы с редактором Ольгой Кашиной цикл телепередач под названием «Медаль за бой, медаль за труд». Задача была – рассказать о трудовом подвиге коллективов Кузбасских предприятий во время Великой Отечественной войны. Первая передача, состоявшаяся в феврале 1975 года, была посвящена Кемеровскому коксохимическому заводу.

В процессе подготовки передачи я вспомнил о заводском гудке, что многие годы заменял жителям города и окрестных деревень часы. Раннее моё детство проходило в деревне Плешки. В нашей избе висели на стене часы-ходики с цепью и тяжёлой стеклянной гирькой. Опускаясь, гирька тянула цепочку, пропущенную через барабан с зубчиками, и приводила в движение механизм часов. Часы регулярно отставали, и мать, заслышав гудок, раз в сутки подводила их. Низкое басовитое и протяжное гудение приятной для слуха тембровой окраски несколько раз в сутки мощно разливалось на десятки километров вокруг. Очень хотелось посмотреть, а что же такое там гудит? Я бывал возле завода, видел вблизи непонятные чёрные сооружения, вечно окутанные густыми клубами дыма, озаряемые багровыми всполохами пламени. Туда ныряли чёрные вагонетки канатной дороги, пересекавшей Томь.

Оттуда, из этого крошечного ада, в строго определённое время раздавался рёв гудка. Мне казалось, звук вместе с дымом вырывается из его высоченных труб.

Гудки звучали не каждый час. Первые три долгих раздавались в пять утра. По нему вставала мать. Доила корову и отправляла её в стадо. Следующие гудки доносились в семь и в восемь часов. По ним люди спешили на работу. Один длинный гудок звучал в одиннадцать. Через полчаса короткий гудок обозначал половину двенадцатого. В двенадцать раздавались два гудка – пора обеда. Гудок регламентировал жизнь всей округи. С ним вставали, с ним ложились спать. В войну я работал на заводе, и не дай бог, если бы гудок застал тебя еще за проходной. Времена были строгие. Опоздание свыше двадцати минут считалось прогулом, а за прогул по указу давали семь лет лагерей. После войны – не помню уж в каком году – гудки отменили. Постепенно забылся, ушёл из обихода и привычный для кемеровчан коксохимовский гудок. Восстанавливая в телепередаче обстановку военных лет, мы захотели напомнить зрителям и о давно замолкшем гудке. Стали расспрашивать заводских старожилов – куда делся гудок? – Кто его знает? – отвечали. – Наверное, в металлолом сдали. Пробовали покопаться в заводском архиве. Нашли только упоминание об отключении паропровода, питавшего гудок. Было обидно, но что поделаешь? И вот случай... Пригласили мы для съёмки одного старого рабочего, давно находившегося на пенсии, фамилии его я не помню. О гудке он тоже ничего не знал. По сценарию надо было снять проход старожила вдоль коксовых печей. За кадром в это время должен был звучать его рассказ о том, как работали в

войну. Снимаем. Ветеран, выполняя мою просьбу, идёт вдоль рельсовых путей, поглядывая на заводские сооружения. Вдруг он, словно запнувшись обо что-то, останавливается. Взгляд его устремлён куда-то вверх.— Да вот же он! — говорит вдруг оторопело.— Кто? — спрашиваю я, останавливая съёмку.

— Гудок! — показывает ветеран куда-то вверх. Смотрим и мы с оператором. Вверху, на остатках прокопчённого до черноты пролётного строения, куда когда-то ныряли вагонетки с углем, я вижу предмет, формой напоминающий самовар.

— Вот же он, гудок! — повторяет старый коксохимовец. Оказалось, что когда вышло решение отменить гудки, начальство распорядилось обрезать и демонтировать паропровод. Сам же гудок — то ли по забывчивости, то ли не захотели с ним канителиться — оставили на верхотуре. Потом — вообще забыли о нём. Так он и простоял до 1975 года, до 30-летия Победы. Неожиданная удача подтолкнула нас к мысли — оживить хотя бы на минуту давно замолчавший гудок. Идею поддержал тогдашний секретарь парткома завода Александр Терентьевич Сычов. Примерно через неделю — помню, это было накануне воскресенья — по городскому радио несколько раз было передано сообщение такого содержания:

Вниманию кемеровчан! Завтра, в 12 часов дня, прогудит гудок коксохима, отменённый после войны. Включение гудка будет произведено по просьбе кемеровской студии телевидения, снимающей передачу к 30-летию Победы. Просьба сохранять спокойствие». Гудок прогудел. Наш звукооператор был на месте и записал звук на пленку. В день выхода передачи в эфир в студийном павильоне собрались её участники — ветераны завода. Была создана соответствующая обстановка. Через всю выгородку протянулся так хорошо знакомый ветеранам кумачовый лозунг: «Всё для фронта, всё для победы!». Посередине, на полу, очищенный от копоти, стоял знаменитый коксохимовский, времён АИК, произведённый в Бельгии гудок. Это было сверкающее медью, довольно массивное, повыше стола, устройство. Как и в дни войны, прозвучали два басовитых протяжных гудка, знакомого сигнала, по которому в восемь утра приступала к работе первая смена. Ветераны были растроганы. Состоялся взволнованный разговор о войне, о её «втором фронте», который пролегал через заводские цеха, через забои шахт, через колхозные поля. Для сегодняшнего слуха это звучит может быть несколько выпендренно, но так было в действительности.

Когда над землею взметнулся
Войны разрушительный гул,
Мой город в дыму захлебнулся,
Чтоб мир облегченно вздохнул.

Эти строки из стихотворения Геннадия Юрова. Оно заканчивается так:

Как отзвуки бед и печалей,
Будившие нас по утрам,
Гудки навсегда отзвучали,
И время — Исчезнуть дымам.

После передачи гудок был отвезен в коксохимовский музей, что располагался в одном из фойе заводского клуба на Притомской набережной. После того, как из клуба выехал Театр оперетты, его поставили на ремонт. Музей был свернут. Где сегодня находится заводской гудок и жив ли он, я не знаю. А аудиозапись его голоса, когда на высоком правом берегу Томи открылся музей «Красная Горка», я передал туда. Здесь нашлось бы место и для самого гудка. Если бы он отыскался.